

В. Перцов

Для всех и газет

2016

12+

Владимир Перцов
Для писем и газет

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Перцов В.

Для писем и газет / В. Перцов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Автор этой книги относится к уходящему «поколению сторожей». Поэтому Муза у автора кроткая, забывчивая, отчасти странная. Здесь всё про те времена, когда вода была мокрее, вечера длиннее, собаки дружелюбнее. Поэтому люди читали книжки, писали письма, бросали их в специальные / синие/ ящики, другие их добывали из таких же ящиков, на которых было заботливо выведено «Для писем и газет». Тогда было много интересного, как это ни покажется сегодня странным. В этом можно убедиться, если всё-таки засунуть нос в эту, безусловно, лучшую в своём роде книгу. С чем рискнувших и поздравляем.

Содержание

Из сборника «Назад в СССР»	5
От автора. Объяснительная	5
Дама с собачкой	6
Монтекки и Капулетти	8
День писателя	10
О контактах цивилизации	12
«Танки дыр-дыр!!»	15
Сила индийского искусства	17
Флюорография	20
Тореадор	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Из сборника «Назад в СССР»

От автора. Объяснительная

Это случилось не так давно.

Автор от нечего делать полез куда-то на полуистлевшую полку и обнаружил эту книгу. День подходил к финалу, отопление еще не включили, экран монитора был аккуратно забит фанерой после одного невнятного случая.

Т.е. скушно.

И автор опять-таки от нечего делать начал перечитывать это все. И уже не смог оторваться. И насмеялся, и наржался, и даже поплакал в двух местах – было от чего.

Утром он подумал, что ошибся. Ведь написанное было написано очень давно, в те уже полузабытые годы, именуемые в массах застойными, и о которых сами массы теперь вздыхают, сморкаясь в пододеяльник. Меж тем, написанное до сих пор не утратило остроты и актуальности. И почему же оно не утратило остроты? А потому, что ее у автора никогда не было. А был и есть добрый, меланхолический юмор. А юмор, как учит нас кто-то покойный, читай, умный – он и в Африке юмор.

И тогда автор подумал. Да не может такого быть, подумал автор! Не может все человечество повестись на лабутенах, интернет-провайдерах и бородатых тётках. Обязательно должны остаться в этом мире прямостоячие и прямоходящие с разумными глазами, которых эта книга тоже зацепит. А многие просто вспомнят забытые времена, то есть молодость.

С этой нехитрой мыслью автор решил ее обнародовать.

Дама с собачкой

Все это случилось возле магазина «Овощи-фрукты». Весной. В новом районе.

Одна женщина пришла в магазин купить овощи-фрукты. С собачкой. Она привязала свою четвероногую подругу у входа, что-то приказала ей пальчиком и направилась внутрь. Она привязала ее, чтобы не нервировать контингент продавцов, которые с собаками не велят, видя в них прямых соперников. А тут, конечно, что-то дают. То ли финские бананы или кубинскую картошку.

В общем, надо брать.

Конечно, внутри небольшая давка, удары и крик: «Кто инвалид?» Магазин стеклянный, хорошо видно разворот дел внутри и снаружи. Также оттуда хорошо видна улица, солнечные лучи, зеленая травка; беременная прошла, солдат провели в баню, подросток упал с велосипеда, но не убился.

Одним словом, весна.

Тем временем эта четвероногая собака шурится и вертит ушами, пристально обнюхивает чужие брюки и ноги, смертельно скучает и уже жалеет, что у нее нет блох. А ее хозяйка, надо сказать, чувствует себя в очереди, как скумбрия на черноморской волне. Короче, ей там хорошо. А ее четвероногой подруге – так себе.

Но тут начинаются неприятности.

Из-за магазина на простор, как говорится, речной волны выходит босой лохматый пес. Он грязен, ленив, величиной с небольшого сторожа. А поскольку вокруг весна и благоухание, постольку в душе у него поют собачьи соловьи, он ищет подругу жизни на этот час, чтобы не пройти мимо своего счастья... И тут, как говорится, среди шумного бала... Он протирает глаза и потирает лапы.

Это судьба!

Если честно, эта собачка тоже ничего не прочь. Тем более что она не видела мужской ласки давно, прямо с детства. И вот эти создания, созданные случаем друг для друга, начинают обнюхиваться не на словах, а на деле, и надо сказать, они по-своему правы. Хотя, конечно, эта Жучка ломается, как и положено женской психике.

И вот, когда у них все уже договорено и более того, судьба вмешивается с теневой стороны. Со стороны человека.

Ее хозяйка вместе с группой активисток как раз разоблачала одного инвалида методом: «Не надо справку! Вы просто снимите и покажите!» И пропустила первые шаги этого мезальянса. Затем она смотрит в окно, и у нее отнимается нога: этот грубый кобель, поднаторевший в весенней любви и дружбе, начинает переходить от слов к делу. На что эта нежная дурочка краснеет только для вида, она, можно сказать, уже по ту сторону баррикад...

Сейчас случится непоправимое!

Это несчастье придает хозяйке невыразимую силу. Она разбивает очередь, валит на пол грузчика и вылетает с криком: «Пошел! Я тебе дам!» и другими женскими аргументами. Жених тут же ужасно бледнеет и отскакивает за угол, как и всякий настоящий мужчина. Дама делает собачке выговор, говорит «сидеть», «фу», напоследок объясняет, что у ее возлюбленного чесотка, а может, и туберкулез, и торопится на свой пост.

Все это наблюдает десятка два разных людей, которые собрались, было, разойтись, но, видя такое дело, глянули на часы и закурили.

И точно, через три минуты дама снова пронизывает очередь, валит на пол грузчика, вылетает с уже известными словами плюс, почему-то, «живодер». Этой дурочке делается еще более глубокое впечатление и даже стегается слегка, спрашивается, за что? И уже дама возвращается

по ступеням, а в ее отчаянном мозгу что-то брезжит, вроде: ты начала борьбу против сил природы и проиграешь! Вспомни себя в молодости.

Естественно, еще через минуту очередь расступается сама, грузчик не успел подняться еще с того раза, дама выбегает с криками: «Помогите!», «Милиция!», «Да что ж это такое, товарищи?!» У нее перегорели последние пробки, и она не может решить, чего ей жалче: очереди, Жучки или ушедшей молодости.

Пока она так разрывается, толпа, естественно, увеличивается за счет выходящих, проходящих и клиенток соседней женской консультации. Двое даже поспорили на результат, и третий уже побежал. На улице затормозила поливалка, скорая помощь и автобус с молдавскими интуристами.

Поставивший на кобеля, расталкивает зевак самодеятельными словами, крича: «Не напирайте, не напирайте! Отойди, гад! Я бы хотел на тебя глянуть, если бы тебе столько свидетелей!» Поставивший наоборот, молча пытается сманить жениха плавленным сырком. Вся очередь вывалила наружу, продавцы вывесили табличку «извините, у нас переучет», стоят в первом ряду. Хозяйку Жучки оттеснили за барьер, она бежит сзади, кричит: «Пустите меня!» – и лупит задних хозяйственной сумкой с колесиками. Задние втягивают головы в плечи, бессмысленно смотрят вверх, но не отступают. А эти влюбленные, эти Ромео и Джульетта последней трети двадцатого века находятся на грани рассудка, сидят с поднятыми бровями и уже ничего не хотят.

Наконец, дама последним усилием воли прорывается сквозь толпу, валит грузчика и еще троих, вытирает слезы у себя, потом у Жучки, потом у того, что проиграл. И они уходят...

Вот и опять человек победил в борьбе с природой. Но какой ценой...

Водитель поливалки вздохнул и нажал не на ту педаль.

Монтекки и Капулетти

Вообще-то их звали проще: Авдюшко и Герасимчук. Но история случилась тоже неприятная. Прямо в загсе.

Только что молодая семья Авдюшко получила общую фамилию, паспорта и пожелания счастливого плавания. И вот на правах своей, теперь уже узаконенной, любви они выплыли в соседний залец выпить ритуальное шампанское.

Следом вывалились родные и близкие.

Все смотрели на молодых, молодые дарили друг другу значительные улыбки; в их юношеском воображении проносились какие-то картины и дали, какие-то лиловые мотоциклы и отчаянная зависть подруг. Шампанское вскипало и трескалось, люстры свисали и позванивали...

Так длилось недолго.

Этот дивный миг их жизни был прерван появлением семьи Герасимчук, получившей свои благословения и выплывшей на своих волнах туда же, с той же целью тремя минутами позже. Была суббота, брачующихся было до черта, и вот, как выражаются в сфере кинематографа, случилась накладка: семья налезла на семью.

Сразу стало тесно и неприятно.

Тогда более молодая семья Герасимчук справедливо предложила клану Авдюшко умятваться. Наверное, им не хотелось, чтобы при таинстве распития брачного напитка мелькали посторонние лица.

Их по-человечески можно понять.

Со своей стороны, супруги Авдюшко на правах старшинства достойно объявили: «Успейте», «Это вам не буфет», «Не надо, не надо делать такие глаза!» и пр. Все это в доступной, легко усваиваемой форме.

Повисла легкая пауза.

Надо сказать, что более молодая молодая Герасимчук была по нынешним реактивным меркам немолода. Счастье далось ей с трудом, и ее решимость смести любой предмет, стоящий на этом пути, не имела границ. Поэтому она твердым шагом подошла к новобрачной Авдюшко и, не колеблясь, плюнула в бокал с искрящимся напитком.

Настала еще одна пауза, более короткая. Примерно, как мимолетное виденье. Затем раздался голос Авдюшко, взывающий к суженому: «Твоей жене будут плевать в бокалы с шампанским, а ты будешь смотреть?!» После чего худоватый Авдюшко вздохнул и плюнул на фату Герасимчук.

И тоже попал.

Пауз больше не было.

С криком «ага!» новобрачная Герасимчук вцепилась в белоснежные покрывала, упорно подчеркивающие непорочность новобрачной Авдюшко, и сорвала их легко, как аптекарскую ромашку. Потом вступили женихи. Потом бояре, дружки и другое свадебное узорочье. Последними в ход пошли родственники, кое-какая брачная утварь и загсовский фотограф...

Когда раскрылась дверь, впуская новую порцию молодоженов, те оцепенели, потрясенные сценой, которую не могут забыть до сих пор. Хотя давно уже числятся в семейном разводе. Но развелись, кстати, совсем по другому поводу – супружеская незрелость.

Бой в зале был скоротечным. Стеснялись возможной милиции. Поэтому облегченно вывалились на улицу, где стояли цугом автомобили, опутанные свадебными лентами и веревками. Вид этого благолепия остудил сражающихся брачующихся. Хотя женщины по идее своего пола только-только раскалялись, так что молодых Авдюшко и Герасимчук, например, разливали специально принесенной водой «лимонад», поливали прямо из бутылок, мало приспособленных для активного полива.

В общем, разошлись без потерь.

Были, правда, ошибки, понятные в наше время, когда люди на свадьбе видятся впервые: например, войско Авдюшко сильно помяли и извозили обличьем по полу своего же, Сенью Волкова, чьего-то брата.

Собрались ехать на свадебное пиршество. Еще звучали эхом отдельные призывы и крики со стороны женского состава. Так, старшая Герасимчук, подвязывая юбку ремешком от фотоаппарата, кричала:

– Все кривоногие, и таксисты ваши сволочи, глянь, какая рожа, у! Убийца!

На что сын ее успокаивал:

– Мама, это же наш таксист!

На что мать, не меняя интонации, продолжала:

– Скажите спасибо, что я его не позвала! Он за пятерку мать родную кокнет, а я бы ему десятку посулила! Поехали!

Разъехались.

Осталось перед загсом много лепестков, какие-то кудри и брови, какие-то бежевые квитанции и пиджак жениха Герасимчук с отпечатками чьих-то кроссовок...

Дальше события разворачиваются так.

В 20 часов 8 минут того же дня, находясь в ресторане «Янтарь», молодая Авдюшко вышла в туалет освежиться. Они отмечали свое событие на втором этаже. И вот, стоя перед зеркалом и находясь под впечатлением от своей внешности, она заметила, как в это же помещение вошла молодая Герасимчук, дыша теми же шелками и туманами. Они отмечали свое торжество там же, но на третьем этаже. Соперницы встретились взором и в следующий миг покрылись потом и изморозью...

Тут нужно зажмуриться и передохнуть перед описанием последующих, охлаждающих душу сцен. Но жизнь опережает самую смелую фантазию: не случилось ничего! Они разошлись, как в море корабли. Они мгновенно поняли, чего будет стоить перенесение утреннего братоубийства на почву учреждения, как бы самой природой призванного будить в человеке здоровое чувство здорового соперничества.

Они вернулись к себе под звуки «горько! горько!» и мирно довели обряд до конца, доказав тем самым, что разум всегда берет верх над темными инстинктами, которые сплошь и рядом отмечали деятели прошлого.

В частности, Монтекки и Капулетти.

День писателя

Проснулся ровно в шесть часов. Как и намечал. С удовольствием послушал гимн. Вспомнил, что с сегодняшнего дня решил работать и работать.

Снова уснул.

Проснулся без пяти восемь. Вспомнил, что собирался в шесть, расстроился. Вспомнил, сколько нужно сделать. Расстроился так, что снова уснул.

В десять в дверь постучала соседка, сказала: «К телефону». Поднялся и пошел к телефону. Вместе с матрацем. Уснул там же, лежа головой на говорящей трубке.

Приснилось, что я оленивод, и фамилия у меня Марк Либерзон. И сколько я этим идиотам ни доказывал, что у оленивода не может быть фамилия Либерзон, они бросили трубку, и она пикает над самым ухом. Проснулся от того же самого.

Снова поудивлялся на этих идиотов.

В ванной почистил зубы, посмотрел на язык, сказал: «Ну и язык!» Причесался, посчитал, сколько упало волос. Потом – сколько осталось. Вышел в приподнятом настроении. Но тут вспомнил, что собирался работать. Вернулся и стал рассматривать язык более тщательно. Сказал: «Все!» Пошел к машинке. По дороге вспомнил, что надо поесть. Вспомнил, что нечего. Стал искать, что бы поесть. Вспомнил, что вчера тут была одна поэтесса, принесла стихи и сырники.

Сказал: «Съем – и за машинку!»

Съел сырники. Потрогал то место, где были сырники. Подумал: интересно, какая рифма к слову «сырники»?

Надолго задумался.

Снова зазвонил телефон. Подробно поговорил по телефону. Вспомнил, что однажды в среду в метро видел старуху с удочкой. Рассказал про старуху. Соврал, что на ней были генеральские штаны с лампасами. Положил трубку. Снял руку с трубки. Почесал то место, где почесалось. Сказал: «Ну и обои!» Послюнил и приклеил оторвавшийся кусочек обоев. Встретил глазами машинку, сказал: «Все! Работать!»

И пошел в ванну.

По дороге вспомнил, что когда-то продавалась такая рыба – «простилома».

В который раз удивился.

В ванной стал вспоминать, зачем пришел. Вспомнились сырники. Сказал: «Сырники – напильники»... Плохо. Сел на край ванны, стал мучительно подыскивать рифму. У соседей сверху что-то тяжело упало. Встал и решительно пошел к машинке.

Решительно настучал первые строчки: «Один грек ходил по городу с зажженным фонарем и плакатом «Ищу человека!» Наконец, он нашел этого человека, продал ему фонарь, потом догнал и продал плакат. Теперь этот ходит с фонарем, как дурак...». Остановился, по старой памяти подумал: ни за что не напечатают, у нас с Грецией хорошие отношения. Забил «грек», напечатал сверху «китаец». Снова забил. Напечатал: «Один человек снимал в Москве комнату в коммуналке и искал рифму к слову «сырники». Долгих сорок пять лет...»

Ярко представил этого человека: старый, на кухне, без света, кушает макароны. Прямо из пачки... Фантазия разыгралась. А тетка этого человека в 18-м году уехала в Канаду, написала завещание с условием, что оставит все тому, кто найдет приличную рифму к слову «сырники», которую так и не нашел ее муж, красавец-белогвардеец Гутман. Который застрелился весной, спустив в казино все деньги землячества, предназначенные на постройку памятника Деникину, поднимающему Юденича на борьбу с хваленной большевистской гидрой...

Опомнился минут через сорок.

Сказал: «Да что ж это такое, Господи!» Скомкал Юденича, зарядил чистый лист. Занес пальцы над клавишами. Вспомнил, что давно не слышал про шахматиста Фишера. Вспомнил, что Гоголь тоже не умел играть в шахматы. А Чехов в детстве был земским врачом. Потом засомневался. Постучал пальцем по колену и пошел звонить другу-художнику. Друг очень обрадовался, закричал:

– Вова, приезжай в мастерскую, я написал замечательные стихи!

Я помолчал и сказал:

– У тебя, наверное, много работы?

Он помолчал и сказал:

– Называются «Поэт и гражданин».

И прокричал в трубку:

Поэт в парадном пил вино,

Пил, как всегда, один,

И вот – знакомое давно:

– Пройдемте, гражданин!

Я сказал: у меня много работы.

Он прокричал:

– Смело бери такси! Мне один идиот заказал национальную картину «Турецкий султан читает письмо от запорожцев»! Представь, на общем собрании, в гареме!!

Я сказал, какой идиот?

Он сказал, колхоз-миллионер, 6 метров на 12!

Домой возвращался поздно ночью, на машине-поливалке. Вспомнил, что много работы. Спросил молодого водителя насчет «сырников». Водитель засмеялся, сказал «пыльники» и засвистел что-то от всей души.

Ну, есть же на свете счастливые люди!

О контактах цивилизации

В редакцию газеты «Труд», «Известия», «Аргументы и факты», «Рыболов-спортсмен». Всем, кто меня слышит!

Опровержение

Опроверяю!

Я часто после работы слежу за сообщениями об неопознанных летающих тарелках, сокращенно НЛО, и пришел к правильному выводу, что в газету пишут не корреспонденты, а козлы какие-то без понятия. А другие козлы это печатают.

По существу. 23-го сего года было сказано про «сообщение» в кавычках одного летчика, за которым, как он в кавычках сообщает, вроде гналась неопознанная тарелка, и чуть не дошло до драки. Так я сразу хочу объяснить, как было на самом деле.

По порядку.

Примерно тогда же, возвращаясь мимо склада, есть свидетели, я обнаружил неопознанную летающую штуку, поскольку она сильно похожа на ту, которую часто показывают в кино, особенно которой в меня бросает супруга, когда ей нечего делать, только поглубже. Там же мною было обнаружено штук пять пришельцев мужского пола, как говорится, наших меньших братьев по нашему разуму, так как они мне были где-то по пояс, но пошире.

Сообразив, что по вечерам сейчас уже холодно, а они стыдно сказать, в чем, и видеть тоже, поскольку посиневши, я решил войти в контакт цивилизаций, как в кино, имея под мышкой две бутылки «Лучистого», не выпитые мной по косвенным причинам. Спросил их на языке народов мира: «Будете?» На что они глянули на старшего и кивнули, чем у них было.

Войдя в контакт, мы перешли на «ты» и закурили. Когда контакт закончился, они, уже слегка понимая по-нашему, показали на языке народов мира, что две бутылки на шесть рыл есть насмешка над разумом. И пускай теперь кто скажет, что на других планетах живут одни дураки, как утверждают наши горе-политики!

Не вводя их в курс этой козлиной перестройки, я принял решение везти их к одной Симе, чтобы не ударить нам, землянам, в грязь, поскольку Сима спасает народ одним космическим продуктом, который делает круглосуточно. Что я им и сказал, сообщив, что Сима есть первая жена нашего прославленного космонавта Николая Коперника, известного своим межпланетным гостеприимством. На что они заулыбались, кивнули, чем у них было, и пошли за мной гуськом, как дети, неся какую-то дрянь.

По-моему, ихний флаг...

Несмотря, что в газетах пишут про демократию, у Симы был обыск. В начале первого ночи! Так как после моих слов «Здесь продается шкаф?» она по рассеянности сунула мне под мышку шесть кило дрожжей и захлопнула дверь, чего раньше с ней век не бывало, есть свидетели. Увидав дрожжи, гости сразу замигали, заволновались, загуркотали меж собой, потом погнали среднего на столб, младшего подключили к водоклонке, спустили провода и засыпали в машинку, которую сделали тут же из третьего, который все равно прихрамывал.

Пили из вазона, затыкая дырочку в днище пальцем. Я и затыкал, поскольку у них нечем.

Потом мы пошли провожать меня.

Проходя мимо знакомого женского общежития, я постучал вахтеру, показывая, что группа пришельцев желает ознакомиться с бытом наших замечательных девушек-тружениц. На что этот старик ругался милицией, а когда увидел остальных, крестился телефонной трубкой, бледнел и поливал себя из снежного огнетушителя. И так битый час, хотя девушки-тру-

женицы проснулись и давно побросали нам ключи с номерами от комнат и международными пожеланиями не тянуть резину.

Не желая разочаровывать ни в чем неповинных пришельцев в наших людях, мы пошли посмотреть наши достижения, катаясь в парке на чертовом колесе. Пока это чертово колесо не пошло вразнос, а после сорвалось и покатилось, шмякая этими люльками, до самой водокачки, которую все равно собирались реставрировать. Где мы не досчитались одного, обнаруженного после – при попытке вскрыть кооперативный ларек. Не желая разочаровывать пришельцев в наших ларьках, поскольку эти жлобы все равно на ночь оттуда все вывозят и прикапывают, мы пошли провожать их.

Нисколько не забывая про суть дела, я должен упомянуть об поездке за город на ночном автобусе. Водитель попался душевный, поскольку все время нам подтягивал, но когда пошел лес, эта сволочь выпрыгнула на ходу и скрылась в чаще, ухая оттуда филином и воя зверем.

Потом затих – видно, нарвался на настоящих.

Потом мы ехали назад, и гости планеты сильно хвалили наши автобусы за экономичность, так как бензин был выпит еще у костра, а куда девались колеса – режь, не помню. Может, их снял этот псих-водитель, пока мы глушили рыбу в рыбном отделе универсама.

Потом мы пошли провожать меня.

Потом их.

Потом обратно меня и вышли к складу, где я напомнил пришельцам из Космоса, что дома их ждут сестры, матери и жены, а меня – страшно вспомнить, кто, с авансом.

На прощанье я вспомнил о старинном красивом обычае землян «А на посошок!», на что они глянули на старшего и кивнули, чем там у них еще оставалось. Нацедив в кружку из краника сбоку что-то сильно похожее на тормозную жидкость, каковой оно впоследствии и оказалось.

Но об этом дальше.

Потом они пригласили меня в середину расписаться в книге почетных посетителей. В середине было совсем как в кино, только по одному борту у них шла длинная вмятина и два окна были заделаны фанерой со словами «собственность Юго-Зап. ж. д.» и еще какие-то цифры. После чего они наливали из краника, но уже внутри. Потом сильно приглашали с ними, но чувство Родины взяло верх, хоть они и обещали держать меня на своей планете в специальной банке, залив спиртом с головой.

Потом мы попрощались за руку, поцеловались и поднялись вместе со мной. Поскольку я забыл выйти, а они никак не могли, найти кнопку, как оно останавливается. И они тыкали во что попало, пока мы не получили еще одну вмятину об заднюю часть Луны, а местные головоногие долго бежали следом по этим камням, пока не попали в нас чем-то квадратным, после чего, не знаю как, мы снова очутились над красавцем Тбилиси вниз головой. Так надо было видеть лица местных казахов, когда мы так и вышли из тарелки на местном базаре и захватили с собой, что смогли, так как трое суток не закусывали.

Теперь про самолет.

Ложась на обратный курс, мы встретили упомянутый вверху самолет, и я попросил старшего лечь на параллельный курс и сблизиться, чтоб увидеть, что это за знакомое лицо смотрит в иллюминатор. И если это Вера, то спросить, куда это она собралась в такую рань? А этот летчик – водитель самолета, глядя на нас, страшно ругался и крутил у виска международными знаками, на что наш старший разобиделся, как ребенок! И я не знаю, чем бы это закончилось, но это оказалась не Вера, а незнакомая женщина-негр в похожей косынке, надетой непосредственно на босу ногу. А этот водитель самолета высунулся по пояс и кричал нам: «Отворачивай! Отворачивай!». Хотя я тоже выставил фанеру и кричал ему в ответ: «Видишь, не можем!» Так как оказалось, что мы выпили не только тормозную, но и отворачивающую жидкость! И пусть скажет спасибо, что я догадался выставить эту фанеру поперек воздуха, после чего нас

вертануло вбок и посадило возле того склада, откуда мы и стартовали. А то им бы пришлось еще раз создавать правительственную комиссию по организации похорон ихних обломков.

Про это, между прочим, в прессе ни слова.

В конце контакта цивилизаций мы обменялись майками, как на чемпионате Европы. Я отдал им сверху брюки, которые все равно носил на шее после не относящегося к делу случая. Потом они оторвались с трудом и с песней, и долго летели ребром, ухватив младшего за все руки, поскольку он таки вывалился в незащищенное фанерой окно, крича: «Оставьте меня здесь или убейте!»

На прощанье я долго махал им вслед с вышки, как говорят, двое суток, пока меня не сняли уже наши, которых я узнал по фуражкам и выражениям.

Заканчивая правдивое свидетельство очевидца, прошу сказать мне, кто оплатит мне межпланетное гостеприимство, а то на контакт ушел весь мой аванс с костюмом, а какие теперь цены в магазинах знает каждая собака.

Или продержите меня здесь, пока у этой, у жены не пройдет.

«Танки дыр-дыр!!»

*«Это было у моря,
где лазурная пена...»
/отрывок из песенки/*

Было это, между прочим, не у моря, а в разгар холодной войны. В августе. По обе стороны планеты зримо рисовался образ врага, голый по пояс и готовый на все.

И вот на военной базе в Форт-Ноксе сержант Джексон вручил рядовому Смит лопату, крикнул «танки!» – и закурил гаванскую сигару.

На Н-ском полигоне ефрейтор Мойдодыров вручил рядовому Семенову лопату, крикнул «танка идет!», добавил для ясности «дыр-дыр» и закурил тираспольскую «Приму».

С той и другой стороны было тепло, плотность грунта четыре балла. Рядовой Смит поплевал на руки и принялся за дело.

Рядовой Семенов поплевал на руки, потом на лопату, потом плюнул последний раз просто так, потому что еще оставалось, и принялся закапываться.

Было утро, танков не было.

Когда сержант Джексон докурил свою «гавану», рядовой Смит был в земле уже по каску. Сержант вздохнул, взял пустую канистру и ушел в город за героином.

С противоположной стороны ефрейтор Мойдодыров склонился над ямой, в которой скрылся рядовой Семенов, крикнул туда: «Чай не пьешь – откуда сила?!» И ушел в каптерку доучиваться на гитаре.

С той и другой стороны на ветке что-то чирикнуло, откашлялось и неуклюже запело. Певшим с той и другой стороны оказался воробей, поскольку нормальные птицы отпели свое еще до замужества (где-то май–июнь).

А это уже был август, оба рядовых вошли во вкус. Позже вечером сержанта Джексона подобрала военная полиция без канистры и казенных брюк. Его выбросили из окна известного заведения, когда он пытался расплатиться с минутной дамой своего сердца шторами, украденными там же. Дама, кстати, и выбросила. Крашенная блондинка.

Ефрейтор Мойдодыров тоже уснул, прямо над нотами романа «Права и обязанности начальника караула».

С той и другой стороны отмены команды «окапывайся» не поступало. Рядовой Смит клял свой военно-промышленный комплекс и вгрызался в породу.

Рядовой Семенов тоже ругал военно-промышленный комплекс НАТО и уже достиг отложений юрского периода.

Справка: по непроверенным данным радиус Земли составляет примерно 3600 километров. Можно, кстати, посчитать, сколько времени человек со средним весом 70 килограммов будет с криком падать в такой колодец.

Но неохота.

В пятницу вечером оба рядовых встретились. Хотя был понедельник и шесть утра. Было мрачно и очень жарко, что подтверждает гипотезу о наличии в центре земли ядра с температурой 6000° Цельсия. Оба рядовых так устали, что даже не удивились. Они бросили лопаты, сели и прикурили тут же от стенки.

– Танки, – пояснил Семенов, затыгиваясь и кивая наверх. И добавил для ясности, – «дыр-дыр!».

– Танки – понимающе кивнул Смит и сплюнул на стенку, зашипело. «Танки» было второе русское слово, которое он знал. Первым было «Мадагаскар». С нашей стороны общение тоже было затруднено, поскольку из шести английских слов, навечно врезавшихся в школьную

память Семенова, четыре впоследствии оказались казахскими национальными ругательствами. Тем не менее, несмотря на жару, оба рядовых прекрасно разговорились. Семенов рассказывал про свой родной Витебск, про то, что ему служить еще год и восемь месяцев. Про то, как один раз в Минске он видел на вокзале настоящего Кобзона. При этом он тыкал Смита в грудь и говорил, вот как тебя, даже ближе. Все это Смит однозначно перевел для себя, что после армии Семенов хочет жениться и открыть свое дело. И Смит уверенно поддакивал в том смысле, что можно, конечно, взять ссуду в банке, но лично он, Смит, ему бы не советовал с ними связываться, лучше взять у родителей или у брата пару-тройку тысяч долларов под небольшой процент, они же не звери, драть не будут.

Дальше беседа проходила в том же направлении.

Напрасно с той и другой стороны Джексон и Мойдодыров свешивались над этой ободной шахтой, шурились в темноту и бросали вниз мелкие камни. Не говоря уже о том, что охрипли. Да и как, скажите, могли они докричаться, когда тут, бывает, знакомому кричишь-кричишь через улицу, руками измахиваешься, как Сервантес, а он сядет в троллейбус и только тогда заметит, и начинает просовывать голову в узкое окно и кричать что-то важное. А тут все же три с половиной тыщи километров, пусть и вниз.

Сержант Джексон вздохнул, подогнал машину, выпустил трос фирмы «Симменс и Гарфункель» и нырнул вниз.

С той стороны Мойдодыров привязал к березе веревку фирмы, которая ее свила, приказал молодому принести в каптерку его обед, посчитал, что до дембеля осталось 46 дней, и тоже полез вниз.

Они встретились там же 4-го сентября в 22.20 по местному времени. Было мрачно и жарко, как это место описывают, рассказывая про ад. В красноватом свете на стене читалась надпись «Николай плюс Пол – дружба!» Оба рядовых сидели тут же, пуская по кругу окурки и, судя по всему, никуда не торопились. Джексон с Мойдодыровым раздали им пинки и подзатыльники, обменялись сувенирами: против одноразовой зажигалки «Флейм» был выставлен многоцелевой значок «Специалист 3 класса», затем взяли под козырек и погнали подчиненных впереди себя наверх.

Подчиненные и полезли, а куда денешься?

Конечно, про сквозную дыру тут же узнали с обеих сторон. После отбоя кучковались возле, стараясь что-нибудь сквозь нее рассмотреть или добросить, пока начальство это не прекратило, само перед этим вдоволь накричавшись и, естественно, ничего не получив в ответ. Разница-то во времени значительная, и хоть скорость звука 1200 км/час, так какой тут звук можно издать на таких харчах, кроме известного. Хотя один майор с нашей стороны пробовал и такой. Но ответа не последовало, что однозначно было расценено как недружественность к зарождающейся таким нехитрым способом народной дипломатии.

Да. Однажды где-то в середине сентября месяца сержант Джексон вручил уже известному Смигу лопату, указал направление окопа, крикнул «танки», нашел погнутое ведро и ушел в город за приключениями.

Направление было на Восток.

Примерно тогда же ефрейтор Мойдодыров сказал Семенову «танка дыр-дыр», указал на Запад и пошел доклеивать фотографии в дембельский альбом.

Оба рядовых привычно поплевали и принялись за дело...

Дальше рассказывать?.. Правильно! Так автор и думает, чего корячиться, господа? Земля-то круглая, и куда с нее спрыгнешь? Но с грустью думает автор: чтобы в голову пришла такая простая мысль, голова эта тоже должна быть круглой. Но этого пока, увы, лимит.

От слова «цейтнот».

Сила индийского искусства

«Из всех искусств для нас важнейшим является искусство кино». А наиважнейшим – искусство индийского кино. Сегодня это ясно даже дураку.

Впрочем, дураку всегда все ясно.

Итак, в село привезли индийский фильм.

Как всегда, первыми об этом узнали дети – уже неделю не ходят в школу. Клуб в цветах, флагах; ограда и окна сняты совсем – все равно снесут. Село притихло в ожидании.

Наконец: «Едут, едут!». Приехали.

А что там за пыль, крики и трактора? Это приближаются зрители. Песни, братание, мычание раздавленного мотоцикла. Всех обогнали лежачие больные, отбиваются от собак носилками. Впереди ребягня и колхозный бык Миня.

На рогах плакат: «Да здравствует индийский фильм!»

Клуб – 250 мест. Пришло полторы тысячи. Первый ряд сидит – носом в экран. Второй сидит поверх первого. Третий – поверх крыши. Зрители последнего ряда сидят возле речки, кричат передним: «Эй, мачга, убери голову!».

В общем, когда женился Витька Чуб, вся свадьба была здесь вместе с гармонистом, попом и невестой. Сейчас у них в семье подрастает маленькая Брахмапутра.

Пока они рассаживаются – небольшое отступление.

Братья Люмьер родили кинематограф. Кинематограф родил кинопрокат. Я не знаю, кто родил кинопрокат, но один наш парень, говорят, был в свое время заброшен на берега Ганга с заданием, брүнет. По паспорту Рафаил Каплун. Там он сменил подданство и фамилию на Радж Капур.

С этого все началось.

Но мы отвлеклись.

Завклуб Яков Степанович объявляет: «Товарищи колхозники, сегодня мы просмотрим индийскую народную киноленту «Око за око», что в переводе значит «Зуб за зуб». Прошу присутствующих соблюдать, кто что сможет, и сдерживать дыхание, а то тут наверху уже некоторые дышат жабрами... Володя, пускай ленту!».

Из будки высовывается киномеханик Володя и говорит: «Предупреждаю всех: фильм – 28 копия! Так чтобы я не слышал, «сапожник, сапожник!»

Вы не знаете, что такое 28 копия. А это значит, что индийский фильм порван уже настолько, что переклеен фрагментами из «Фитиля», «Штирлица», «Ну, погоди!» и просто липучкой для мух.

Наконец замигало, замелькало – пошел фильм. Бедный, но честный Бхопал. Честная, но бедная Зита. Любовь. Пошла красивая, популярная, веселая индийская песня. 27 минут. Опытный Володя сокращает ее до 5, пустив пленку прямо через перемотку. Первые впечатления:

– Хорошо поет, – говорит доярка Полина. – Только немного слишком очень быстровато.

– Разве это поет? – возражает конюх Серега Комин. – Вот я видел в городе индийское кино, там одна баба пела так пела. Кино так и называлось «Баба, которая поет»!

На этом обмен прекращается – рвется пленка. Нижние топают по полу. Остальные – по чем попадут. Продавщица Зина пользуется случаем глянуть, кто там все время сопит прямо ей в ухо. И видит худое лицо, длинную бородку, такие же уши и рога. Видно, толпой внесли чью-то козу. По щекам, несчастного животного катятся большие светлые слезы. Нервную Зину немедленно разбивает паралич, который проходит только к концу фильма. Остаток они досматривают с козой в обнимку.

Тем временем на экране огромный город. Большие машины, дома, огромная реклама индийского чая. На невообразимом рынке два иностранца в громадных фуражках торгуют мандаринами. Слышен характерный акцент... Дальше камера плавно скользит по захламленному заводскому двору, две индуски в ватниках катят железную трубу, голос диктора за кадром: «Вот так, товарищи, кое-где еще воспринимают указание партии об экономии горюче-смазочных материалов». Двор сменяет роскошный номер гостиницы. Злодей Радж соблазняет Зиту красивой жизнью. Зита почти согласна, но собирается что-нибудь спеть. Подлец Радж уговаривает ее сделать это после *того*. Зита соглашается и говорит: «Тогда я станцую». Все это наблюдает бедный, но честный Бхопал, который почему-то лежит на берегу Урал-реки за пулеметом и строчит по быстро уплывающему мужчине. Эпизод заканчивается непонятно чем, так как аппарат делает: «кrrr-хrr-rr!». Мелькают куски перфоленки. С криком: «Свинья ты после этого, Хрюша!» – проскакивает опытный индийский киноартист Буба Кикабидзе. Затем мелькает голый человек с татуировкой во всю спину: «Молодая семья снимет комнату».

Наконец экран гаснет совсем.

Тут поднимается такой топот и свист, что проседает фундамент. Ощущение незабываемое. Когда-то такое же случилось во время фильма «Запах любви», а в соседнем селе как раз шла церковная служба. 12 километров. Так старушки подумали, что именно с таким звуком начинается конец света и бросились врассыпную.

Некоторых потом отлавливали в соседних республиках.

Но вот – все в порядке. На экране короткий миг счастья. Бедный, но честный Бхопал встретил Зиту за ящиками. Поцелуй – две минуты. Причем неугомонная Зита ухитряется спеть. Киномеханик Володя делает на этом стоп-кадр, высовывается из своей будки по пояс и комментирует:

– Смотри, смотри, Галя, как люди делают, а не кричат: «Сперва женись! Сперва женись!»...

Даже в темноте видно, как покраснели все деревенские Гали и учительница Людмила Аркадьевна.

Но – недолго длится человеческое счастье. Зита должна выйти замуж за своего отца, которому она приходится двоюродным братом. Бедный Бхопал хватается за свою честную голову, звучит задушевная индийская песня «Давно не бывал я в Донбассе!». Это в зале проснулся Петр Макарович Ковальчук, член «Общества трезвости» с 1927 года. Имеющий право избирать, но не знающий, как это делается, по той же причине. Увидев на экране красавицу Зиту верхом на священной корове, он вырывается и кричит:

– Бедный Гриша, что с тобой сделали проклятые мичуринцы!

На этом первая серия фактически заканчивается. Так как вместо ночного притона пошла надпись «Анжелика в гостях у Кролика», потом сама Анжелика на фоне поверженного Рейхстага и смена почетного караула у входа в нарсуд Бауманского района.

Наконец надпись «Конец первой серии».

Дальше все запутывается напрочь. Вторая серия начинается титром «Конец фильма». Дальше задом подъезжает машина, из нее выносят бездыханного Раджа. Радж тут же подхватывается и запрыгивает спиной на балкон 19 этажа. И там начинает прощаться с жизнью в обратном порядке. На крики «Сапожник!» из будки высовывается бедный, но честный киномеханик Володя и убеждает всех, что это повтор момента в видеозаписи... И наконец, наступает момент, ради которого все это начиналось: Зита рассказывает Бхопалу, как ее соблазнил и бросил тот, которого в прокате вырезали из первой серии. Вместе со сценой соблазна. Плачет Зита. Плачет бедный, но маниакально честный Бхопал. Плачет Костя Сорокин, он просидел все три часа па полу, пытаясь выплюнуть изо рта чью-то пятку. От речки кричат:

– Уже можно? – и тоже плачут.

Всхлипывает глухая баба Шура – вспомнила первую любовь. Потом вторую... Потом четвертую... Наконец она начинает рыдать и раскачиваться – вспомнила, как она недавно летела на самолете...

Громадный, великий, Вселенский плач...

И вот счастливый финал: Зита вновь полюбила. Бхопала, который оказался ее младшим сыном от подлеца Раджа. Добро торжествует. Из клуба вываливает счастливая толпа с красными глазами и насморком. Звучит старинная индийская песня из кинофильма «Следствие ведут Знаатоки».

Начинается дискотека.

Флюорография

Поликлиника. Направление. Список врачей: флюорография, невропатолог, кардиограмма, анализ крови, анализ мочи... Кардиограмма, невропатолог, анализ мочи...

Я спросил: – Зачем так много?

Мне сказали: – Много не обязательно.

Я сказал: – Да мне не жалко.

Мне сказали: – Следующий!

В лаборатории мне сказали: – Ваша кровь очень светлая.

Я сказал: – Это не кровь.

Она сказала: – Но я же вижу.

Я сказал: – Но я же помню.

Она сказала: – У меня опыт.

Я сказал: – У меня практика.

Она сказала: – Следующий. – И написала, – «практически здоров».

Рентгенкабинет. Снимок грудной плоскости до пояса в трусах. Отнес врачу.

Он сказал: – Это кто?

Я глянул – плоскость моя, трусы мои. Грудь не моя и лифчик.

Он сказал: – Пусть поищут другой.

Они нашли другой. Из арабского журнала «Мир необрезанных».

Он спросил: – А почему ты тут верхом?

Я сказал: – Вы просили до пояса.

Он кивнул и написал: «практически здоров».

Женщина-окулист спросила: образование?

Я сказал.

Она сказала: – Тогда читай здесь.

Я начал.

Она сказала: – Про себя.

Я извинился. Когда дошел до слов «а по бокам-то все косточки русские», она вернулась и спросила: все разобрал?

Я сказал.

Она сказала: – Вот капли. Закапывать три раза в день по столовой ложке. В каждое ухо.

К хирургу была очередь. Поэтому мы долго сидели в коридоре. Кто-то рассказал, как ему один раз на Юге не повезло в любви. И чем он вылечился.

Девушка-терапевт сказала: – Раздевайтесь. – И покраснела.

Я сказал: – Ничего, я постою.

Она кивнула и стала меня слушать. Прямо через пальто, так как забыла вставить другой конец трубки в уши. Потом она сказала, «не дышите», потому что позвонил телефон. Когда она закончила, я все еще не дышал. И уже не собирался. Но она дала мне что-то понюхать и написала: «практически здоров».

Потом мы долго сидели в коридоре. Я читал плакаты на стенах, вроде:

Личико бледнеет,

Пульс стучит все реже.

Это значит, дети,

Тортик был не свежий!

Бабушка ухо-горло-нос сказала: – Говорите громче.

Я крикнул.

Ее хоронили всем коллективом. Поэтому очередь к хирургу возросла. Я вздохнул и пошел делать кардиограмму.

Кардиограмма получилась ужасной, так как они подключили аппарат к водопроводу, а очередь к хирургу возросла, поскольку подвезли группу экстремалов старшего пенсионного возраста.

Я посмотрел направление и пошёл к гинекологу.

Мужчина-гинеколог сказал: – Садитесь.

Я взобрался.

Он спросил: – На что жалуетесь?

Я сказал.

Он сказал: – Медицина пока бессильна.

Я сказал: – Ничего, я подожду.

Он кивнул и написал: «практически здорова».

Потом мы долго сидели в коридоре. Интеллигент в очках доказывал, что логическим завершением бесплатного лечения могут быть только похороны за счет государства. Я кивнул и пошел к хирургу.

Хирург внимательно осмотрел меня и сказал: – Что будем резать?

Я сказал: – А что бы вам хотелось?

Он сказал: – На вкус и цвет товарища нет. – И отрезал. Потом наложил гипс, заделал трещину, зашил брюки, одолжил денег и написал: «практически здоров».

Втащили следующего.

Потом мы долго сидели в коридоре, и мужчина в майке кричал: – А мне тут нравится!

Я спросил: – Вы к кому?

Он сказал: – К нервному.

Невропатолог внимательно посмотрел на меня и подмигнул.

Я тоже.

Он спросил:– Вы чего?

Я сказал.

Он сказал: – Скажите а-а.

Я сказал.

Потом он сказал: – Скажите бе-е.

Я сказал.

Он сказал: – Продолжайте.

Я стал. Когда дошел до буквы ме-е, он стал мне подтягивать. Потом мы охрипли.

Он спросил: – Таблицу умножения знаешь?

Я сказал.

Он сказал: – Дважды два?

Я сказал: – Три.

Он проверил. Оба раза совпало. Потом он спросил: – Головой бился, стихи писал?

Я сказал.

Он сказал: – В другой раз будешь думать. – И почесался.

Я тоже.

Он сказал: – Вы мне нравитесь. Оба. Заходите еще. – И написал: «практически здоровы».

В том флигеле во дворе было тихо. Больные не сидели, а лежали. В основном под простыней. Преимущественно босиком.

Я спросил: – Кто крайний?

Вышел еще один и крикнул: – Глянь, Петро, уже сами приходят!

Я сказал крайнему: – Подвинься.

Он подвинулся. Мне дали простынь и спросили: – Готов?

Я сказал.

Он послунил карандаш и написал на пятках: «практически готов».

Тореадор

Лева похож на разбойника. Это одна женщина – он ей чем-то не угодил – сказала: а рожа-то совершенно разбойничья. Тут только все обратили внимание и вздрогнули. А до этого не видели: все рыскали глазами по прилавку, выбирая кусок получше.

Лева – мясник, мясник потомственный, и может, профессия наложила отпечаток, что он похож на разбойника, особенно рыжие бакенбарды. Но даже, если и на разбойника, то который уже раскаялся. Тому виной Левины глаза, чуть навывкате, большие и как бы о чем-то сожалелюющие. Так разве посмотрят человеку в глаза? Только на прилавок да на руки, чтоб не обвесил. Редко на бакенбарды. А Лева не обвешивает, он честный человек и не виноват, что его древнюю профессию запятнали и обагрили всякие проходимцы.

Он красив, когда стоит за своим прилавком в халате, фартуке с подтеками, в белой шапочке, надвинутой на самые бакенбарды. Он велик. Прямо купец Калашников по фамилии Зельцер. Так это же надо увидеть. А увидеть-то некогда, все спешим куда-то или вовсе дураки.

– Я, Любовь Лазаревна, не жалею уже разделанное животное, – говорит один такой дурак, доцент по фамилии Штрек. – Такова жизнь: кто-то ничего не делает, а только мычит, а кто-то потом его съест... Но когда Лева берет говяжью ногу своей, с позволения сказать, рукой, мне становится больно, словно это меня он схватил своей рукой. И у меня вот здесь выступают синяки.

Тут он задирает штанину, затем, извинившись, кальсонину и показывал, где именно. Нога у него была желтая и мягкая от старости.

Ну и что, спросим, что выступают? Ну и что, что похож на кого-то там? Внешность обманчива. Та, например, которая обнаружила Левину схожесть с разбойником, сама ворует электроэнергию путем подкладывания киноплёнки в счетчик. Так что на ее руках, образно говоря, кровь работников электрической промышленности. Просто профессия у Левы не поэтичная. Но такова жизнь, как сказал бы дурак Штрек, кто-то пишет стихи, а кто-то рубит тушу. Иначе откуда бы взялись у нас все эти дворцы да фонтаны. Но мало кто знает, что Лева – сам художник. Музыкант. Да, музыкант, у него в подсобке стоит небольшой кабинетный рояль «Блютнер», и Лева за ним отдыхает, когда нет работы.

– Лева, – спрашивает Исер Александрович, – сегодня будет мясо?

Лева отрицательно качает головой и, чуть пригнувшись, входит в подсобку. Там он снимает через голову твердый фартук и присаживается к инструменту. Не на ящик присаживается, как можно подумать, а на круглый вороненый стульчик с винтовой ножкой. Рояль тихо отзывается под его рукой, а на белой клавише остается волнистый отпечаток пальца – потом Лева его сотрет. Когда нет мяса, он играет нечто грустное, например, Шопен, вальс номер семь. При этом его большие плечи опущены, словно он действительно скорбит о злодеянном...

Но вот приехала машина, и Лева торжественно вносит на плечах полкоровы. Но это уже не мясник внес на плечах полкоровы, это тореадор только что на глазах у взвившейся от восторга публики точным ударом рассек сопящего быка на две равные части и сейчас занес тушу для ритуального ее расчленения.

– Зельцер, это ваш инструмент? – спрашивал Леву каждый новый заведующий, знакомясь с местом работы.

– Да, это мой рояль, – достойно отвечал Лева. – Его подарили моему предку Альфреду Соломоновичу революционные матросы, когда узнали, что это он продал испорченное мясо на корабль «Потемкин», что, как известно, переполнило, чашу матросского терпения, а это явилось поводом для начала всех этих революций.

Так объяснял Лева и показывал заведующему надпись на внутренней стороне крышки: «Красному еврею Феде Зельцеру за его Заслугу».

– Этот рояль – гордость нашей династии, – красиво говорил Лева: ему уже приходилось выступать с воспоминаниями о революционном предке. Заведующий с уважением трогал надпись. И потом трогал, когда заходил в подсобку. Пока его не снимали с выговором по партийной линии и не бросали на канцтовары, полагая, что уж там ему крышка.

Но умный человек и на канцтоварах не пропадет.

Однако, чем дальше, тем реже доносился из подсобки победный стук топора, все чаще звучали печальные ноты Шопена, так много говорящие постоянному покупателю.

– Слушай, Лева, – предлагал знакомый скульптор Саакян, – отдай мне колоду, я сделаю из нее твой бюст.

– Не отдам, – не соглашался Лева. – Скоро мясо привезут. А потом: у бюстов глаз нет, они все, как слепые.

Так говорил Лева, однако в словах о скором мясе не было твердости, и если честно говорить, не был он уверен в завтрашнем дне. Странно было слышать такое в стране поголовной уверенности в будущем, да вот так случилось, подкачал Лев Яковлевич Зельцер, мясник по профессии.

– Мама, – говорил он маме – тете Броне. – Если у меня спросят: «Лева, где мясо?» – чем я буду в глаза людям смотреть? А покупатели будут смеяться: «Вон пошел этот босяк Зельцер, пока он играл на своем рояле, исчезло мясо».

Тетя Броня сморкалась в передник и радовалась, что Яков не дожил до такого позора.

– Надо менять профессию, Лева, – прозорливо говорила мама. Но менять профессию – этого было нельзя, невозможно увидеть Леву без фартука и шапочки на голове. Это все равно, что встретить тореадора в мундире с облезшими галунами, в поседевшем парике, когда он стыдливо стряхивает в корзинку для мусора наколотые на шпагу бумажки.

– Я знаю, что я сделаю, – решился наконец Лева. – Я сбрую бакенбарды и уеду туда, где меня никто, не знает. В Америку.

В учреждении, куда он обратился за справкой, чтоб ему уехать в Америку, его уговаривали:

– Лева, ты представитель нашей славной династии мясорубов. Не едь в Америку.

– Поеду, – отвечал Лева, оглядываясь в кабинете учреждения, о котором столько слышал, а был впервые. – Дайте мне такую справку.

– А мясо скоро будет, слышь, Лева! Читал выступление нашего мясного министра, так он прямо и заявил! Не тебе или вот нам, а прямо с высокой трибуны заявил, ты понял? Что скоро мясо у нас будет навалом! Ты газеты читаешь, Лева?

– Нет, – сознался Лева, – заворачивать нечего стало. А министр врал. Он когда говорил, так у него глаза бегали и руки дрожали, я по телевизору видел. – Отпустите меня в Америку.

– Ну, хорошо, – меняли разговор в том учреждении. – А рояль – революционную реликвию куда денешь?

– Как это куда, с собой возьму.

– Ха-ха-ха! – смеялись в том учреждении... Да так, что раскрывались двери и приходили справиться, почему такой громкий смех? А когда узнавали, смеялись сами и приводили обрадоваться других. И дома после работы рассказывали, а дома качали головами: ох, и сморозит такое человек!

– Даже нас, бывалых, ты поразил! – сказали Лева в том учреждении, отдышавшись. – Неужели ты еще не понял, что там плохо, хоть и мяса много. Да и мяса-то потому много, что плохо, никто его там не берет. Боятся. Нет, с таким роялем туда нельзя. Придется оставить.

– Так что ж делать? – беспокоился Лева.

– Думай. Только несладко сейчас праху славного Альфреда Соломоновича. Сурово спрашивают его тени боевых побратимов: «И это твой потомок, Федя? (Федор – так называют его

боевые побратимы). И это потомок человека, который был, можно сказать, повивальной бабкой революции?! Горе тебе, Федор!» О тебе, кстати, разговор, Лева.

Лева не выдерживал и уходил надломленный.

Вскоре отдел, где он работал, упразднили. А чтоб угол не пустовал, посадили туда старую бабку, которая целый год насквозь, особенно зимой, торговала мороженым на вынос, зажимая сдачу. Над бабкой прибили портрет лютого врага мясной пищи Л. Н. Толстого, так она перед работой и уходя крестилась на него, видно, с кем-то путала. И тетя Броня умерла своим чередом. И разделочную колоду куда-то укатали школьники для своей пионерской нужды.

Вот такая история. О мясе и связанном с ним Лева постепенно забыли. Все забывается.

– Я, Любовь Лазаревна, – утверждал дурак Штрек, – как перешел на пропиточное масло и свекольную отбивную, так вроде годы с себя сбросил. Так идешь другой раз улицей и аж взбрыкнешь, честное слово. Даже людей совестно.

И оглядевшись по сторонам, он показывал, как именно взбрыкивал. Престарелая Любовь смеялась, прикрыв рот ладошкой. Может, на Штрека, а может, что свое вспомнила. Кто ж его знает.

Шло время, и вдруг по городу пошел слух, что в краеведческом музее открывают раздел, посвященный мясной и молочной промышленности. Вроде, общественность забила тревогу, что, мол, дети растут, не зная о движущих силах истории, отсюда неуспеваемость и конфликт поколений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.